

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

В. П. ШИЛЯВСКИЙ

НОВГОРОДСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

(Историко-архитектурный очерк)

Военные поселения в России были созданы еще в XVIII веке для размещения пограничных гарнизонов. Военные поселения, учрежденные Александром I, имели не только иную организационную форму, но и преследовали совершенно другие цели.

Война 1812 года обострила кризис феодальной системы. Разорение хозяйства, уничтожение большого числа кормильцев, усиление крепостнической эксплуатации со стороны помещиков — все это привело к обнищанию народных масс и усилению антагонизма между крестьянами и помещиками. В послевоенные годы все чаще вспыхивали крестьянские волнения; некоторые из них были затяжными, и для их подавления правительство прибегало к мобилизации сильных карательных отрядов. Наряду с крестьянскими восстаниями усилились волнения и среди рабочих мануфактур, которые, как и крестьяне, выступали против крепостнического угнетения. Значительная часть армии, ожидавшая после войны облегчения своей участи, эти настроения поддерживала. Вместе с тем, с 1816 года стали возникать тайные общества («Союз спасения», «Союз благоденствия» и др.). В России назревал кризис феодально-крепостнических отношений.

Напуганное примером революционной борьбы в Западной Европе и ростом народных волнений внутри страны, самодержавие перешло к открытому походу против народных масс и после войны установило реакционный, так называемый «аракчеевский режим», при котором были осуществлены жесточайшие антинародные меры во всех сферах общественной жизни. Одним из серьезных мероприятий такого рода явилась новая форма комплектования и содержания армии — военные поселения, в которых крестья-

яне должны были без отрыва от земли нести военную службу. Тем самым, правительство рассчитывало, поставив под контроль значительную массу крестьян, в корне пресечь «бунтарские» настроения и постоянно иметь наготове резервы обученных солдат. С другой стороны, в этом мероприятии усматривалась возможность резкого сокращения средств на содержание армии, поскольку военные поселения должны были находиться на самообслуживании.

«После войны, — сообщает в своих записках современник Л. Н. Энгельгардт, — содержание армии, 1.200.000 войска, стало тягостно для России, умножились расходы до чрезвычайности, а потому требовалось умножение податей, дворяне обеднели, торговля упала, земледельцы не в состоянии стали платить подушные за чрезвычайным понижением цен на хлеб, потому что некуда его стало сбывать...»¹.

Действительность не оправдала надежд, так как военные поселения требовали громадных затрат. Ярко выраженная реакционная сущность этого мероприятия сочеталась с крайней формой крепостнического угнетения: уставом регламентировалась вся жизнь поселян. Даже дети отнимались от родителей и помещались в школы кантонистов, попадая в условия воинского режима.

«Время Аракчеева — было тяжелое. — вспоминает А. К. Гриббе, — мрачное по своей жестокости. Чуть ли не вся Россия стоном стонала под ударами. Били в войсках, в школах, в городах и деревнях... В поселенных войсках битие процветало в особенности, обратилось в действительную науку и даже выработало особых экспертов по этой части»².

Несмотря на это, поселяне отвечали восстаниями, принимавшими порой широкий размах (Чугуевские — 1819 г., Старорусские и Новгородские — 1831 г.)³. Обобщающую характеристику противоречивой внутренней политики самодержавия конца XVIII — начала XIX вв. дал В. И. Ленин, указывая, что «монархи то заигрывали с либералами, то являлись палачами Радищевых, «спускали» на верноподанных Аракчеевых»⁴.

*
* *

Идея организации военных поселений в России принадлежала Александру I. Он решил претворить в России прусскую систему комплектования армии — Шарнгорста и, несмотря на то, что она не встретила единодушной поддержки (против нее были генералы М. Б. Барклай де Толли, И. И. Дибич)⁵, а крестьяне ответили на нее волнениями, император с помощью Аракчеева ее провел, заявив, что «военные поселения будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»⁶.

Организация военных поселений началась в 1810 году в Могилевской губернии, но война прервала развитие этого мероприятия, и Александр I вернулся к нему в 1816 году, распространив

эту систему на Новгородскую, Харьковскую, Могилевскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Петербургскую губернии.

Особое внимание Александр I уделял новгородским поселениям, находившимся в непосредственном ведении Аракчеева и являвшимися как бы образцовыми.

Указом от 5 августа 1815 года в Высоцкую волость Новгородского уезда из Петербурга был отправлен 2-й батальон grenadierского графа Аракчеева полка⁷. Этот акт явился началом превращения Новгородской губернии в важнейший центр военных поселений. В 1820-х годах здесь было размещено шесть полков, занявших оба берега реки Волхова на протяжении 75 километров и юго-западную часть губернии, в сторону гор. Сольцы. Поселение каждого полка называлось округом. Самым северным на Волхове был Первый округ графа Аракчеева полка с штабом в Селищах; ближе к Новгороду на обоих берегах Волхова расположился Второй округ короля Прусского полка с штабным центром в селекции Муравьи. Близ Новгорода находился Третий округ императора Австрийского полка с штабом в селекции Кречевицы; на реке Мсте находился Четвертый округ принца Прусского полка с штабным городком Новоселицы.

Первый карабинерный полк размещался вокруг штабного центра в селекции Медведь, образуя Пятый округ. Карабинерный князя Барклая де Толли полк — на берегу Ильмень-озера, у Старой Руссы — составлял Шестой округ. Все эти полки входили в Отдельный корпус военных поселений, «составлявший как бы особое военное государство под управлением графа Аракчеева»⁸. Опыт регламентации жизни поселян Аракчеев осуществил в своем поместье Грузине и затем уже распространил в гипертрофированном виде в новгородских поселениях, подчинив все показной стороне. Обширная литература, мемуары современников: А. К. Гриббе, К. Ф. Детлова, С. И. Маевского и др.⁹ дают многочисленные факты каторжной жизни как рядовых, так и офицеров поселения, раскрывая уродливые формы осуществления этого реакционного мероприятия. Поэтому, не вдаваясь здесь в характеристику организации жизни поселян, сосредоточим внимание на менее известном вопросе — строительстве военных городков и участии в нем крупных строителей и архитекторов.

Строительство военных поселений началось на почти необжитых местах, где надо было выкорчевывать лес, осушать заболоченную землю, проводить дороги.

Вспомнивая посещение военных поселений, хирург Д. К. Тарасов писал: «Штаб полка (графа Аракчеева — В. П.)... представляет целый город. Нельзя не удивляться могуществу воли человеческой при виде воздвигнутых подобных городов во всех поселенных полках, в особенности на таких местах, где были, за три года пред тем, совершенно дикие и почти необитаемые места!»¹⁰.

Работы на Волхове развернулись широким фронтом с 1816 го-

да. Зачастую военные городки сооружались на обжитых местах, где в связи с этим сносились целые деревни, а крестьян или переселяли или зачисляли в ряды поселян.

Строителями были солдаты. Строительный материал добывался тут же; он заготавливался на каменоломнях, лесопильных, кирпичных и известковых заводах, специально устроенных для обслуживания громадного строительства.

Первое время многое в техническом отношении осуществлялось плохо, без достаточного технического надзора. «Чудно то, что они (постройки штабных городков — В. П.) до сих пор не развалились. Главные строители, — пишет Н. Г. Богословский, — не имели и понятия об инженерном искусстве, как сами сознаются, а работники были вовсе не знающие дела, да и материал-то был подозрительного достоинства»¹¹.

Постепенно строительство было возглавлено опытными и квалифицированными специалистами, такими, как инженеры А. Волков, К. Ф. Детлов, Л. Л. Карбоньер, Е. И. и Ф. И. Рерберги, А. Я. Фабр и др. В разное время привлекались архитекторы Л. А. Дюбу, Г. Ламони, А. И. Минут, Л. Пелли, И. Соколов, Андрей Тон, П. В. Шляхтенко и многие другие.

Из Кремлевской экспедиции присланы архитектурные помощники Герасимов, Козлов, Максимов, Никитин, Таранов и др.¹² Чугунное литье (решетки, части мостов, плиты полов, кресты и пр.) изготовлялось на Петербургском казенном чугунолитейном заводе и для решения многих вопросов привлекались заводские инженеры М. Е. Кларк, А. А. Фуллон и др. В 1810 году для преподавания в Институте корпуса инженеров путей сообщения из Франции был приглашен инженер А. Я. Фабр. С 1818 года он был назначен директором инженерных работ в новгородских поселениях, одновременно осуществляя строительство шоссе и всех мостов на нем между Петербургом и Новгородом¹³. Его помощник — воспитанник Института корпуса путей сообщения Ф. И. Рерберг в 1818—1825 годах руководил строительством штаба Второго округа в селении Муравьи¹⁴. В Селище — штабе Первого округа — строительство осуществлялось под началом инженера К. Ф. Детлова¹⁵, при участии опытного инженера Л. Л. Карбоньера¹⁶. Начальником работ в Новоселицах — Четвертом округе — являлся инженер, генерал-майор А. Воронов и т. д.

Немаловажная роль принадлежала архитектору А. И. Минуту, накопившему большой опыт на строительстве аракчеевской вотчины — Грузина, где под его руководством большая группа мастеровых обучалась разным видам строительных работ; было несколько и архитектурных учеников. После обучения они прикомандировывались в мастерские роты военных округов¹⁷. Минут выполнил для военных поселений проекты ряда строений.

Л. А. Дюбу, как и ряд других архитекторов, занимался только составлением проектов. К решению практических вопросов привлекался опытный архитектор Инженерного департамента Воен-

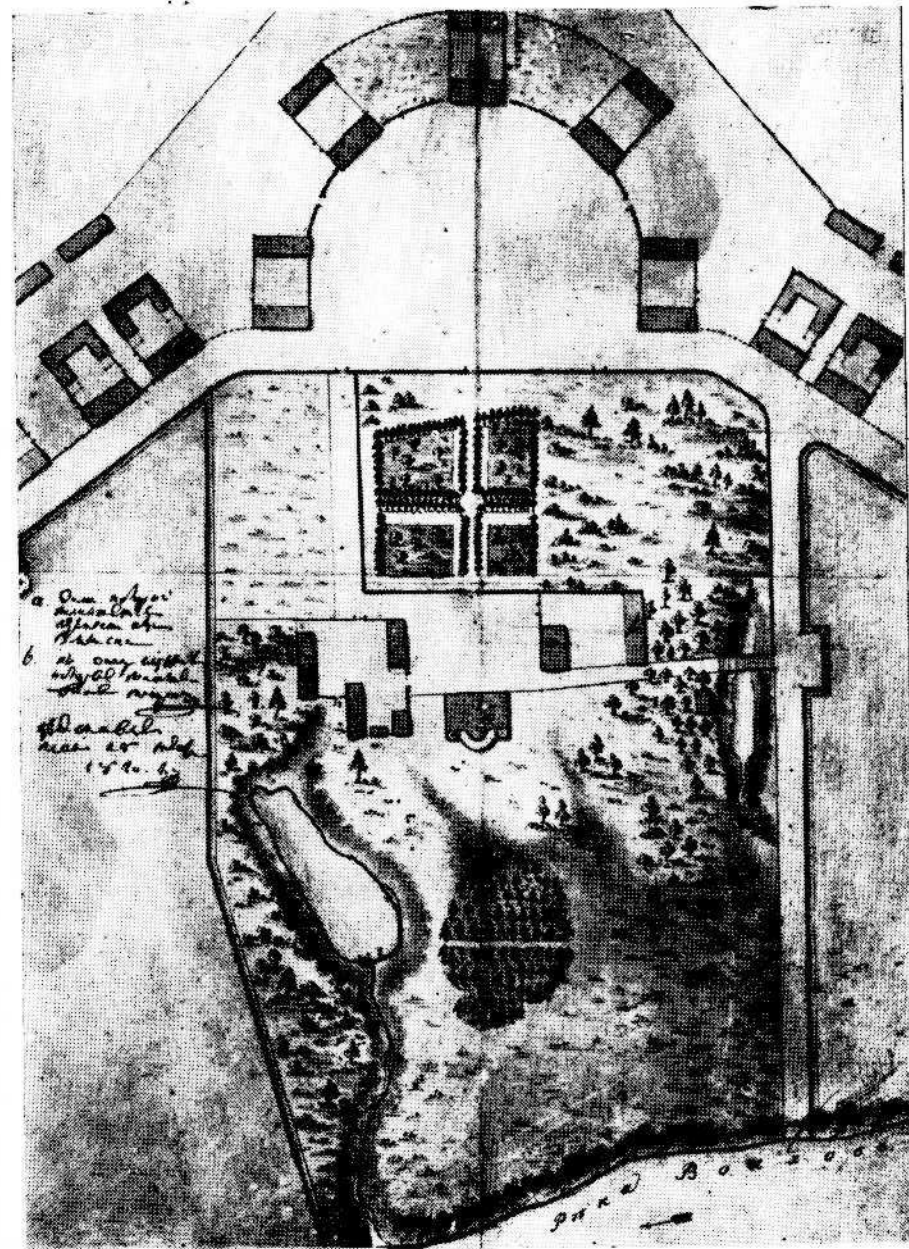

Рис. 1. План центра городка военных поселений на Волгове (село Пристань). Чертил архитекторский помощник Крылов, 1820 г. (ИГВИА).

ного министерства А. Е. Штауберт. Проекты наиболее ответственных зданий и архитектурные чертежи, исполненные другими архитекторами, рассматривал, а также принимал участие в решении инженерных вопросов и имел общее наблюдение за строительством, время от времени выезжая в новгородские округа, выдающийся архитектор В. П. Стасов.

Замечательным изобразительным документом, полностью характеризующим весь комплекс полкового поселения, является литографированный атлас чертежей всех строений Второго округа со штабным центром — Муравьи, выполненный главным строителем всего комплекса инженером Ф. И. Рербергом¹⁸.

Поскольку остальные округа застраивались по тем же образцовым проектам и правилам, с незначительными отступлениями и архитектурными нюансами — можно считать, что данный атлас отражает характерные черты и особенности всех новгородских военных поселений.

Основной тип военного городка был рассчитан на роту из 216 рядовых и 12 унтер-офицеров, состоящую из четырех отделений или капральств. В зависимости от местности, отделения могли быть расквартированы порознь или сдвоенными, но городки всегда были составлены из однообразных деревянных домов с мезонином, образующих длинную улицу.

Каждый дом состоял из двух изолированных половин с двумя комнатами и коридором, предназначенными для двух рядовых (или сдного унтер-офицера) с семьей. В мезонине находилась большая комната для постояльцев на время расквартирования действующих частей. Во дворе размещались сарай, хозяйственные навесы и пр. Таким образом, для поселенной роты нужно было 60 жилых домов или связей и пять связей для дежурного офицера, ротной школы, часовни, лавки¹⁹. Штабные связи группировались на площади в центре городка (рис. 1). Чаще всего по своему виду выделялось лишь одно здание — кордегардия со школой, гауптвахтой и часовней. В отличие от остальных связей, это здание имело наблюдательную башню, увенчанную высоким шпилем и крестом²⁰.

Проекты солдатских и штабных связей, как и кордегардии, составил в 1817—1818 годах архитектор Минут, который использовал тип крестьянских домов, выстроенных им в Грузии. 12 февраля 1818 года Минут сам сообщает Аракчееву о том, что он изготовил модель дома для военных поселенцев²¹. Это же свидетельствует и Бухмейер, который 25 августа 1818 года докладывал Аракчееву, что «фасад и план составлен Минутом, который привез его с собою из Грузии и был с оным у архитектора Стасова; он фасад апробовал и не найдя в оном ничего к перемене, оставил связь по фасаду на десяти сажнях, а во дворе вместо трех сажень, назначил связь делать в три с половиною сажени...»²².

Минут же подготовил чертежи для гравирования, чтобы их, как образцовые, можно было разослать во все округа. «При сем письме, — писал он Аракчееву в марте 1818 года, — препровож-

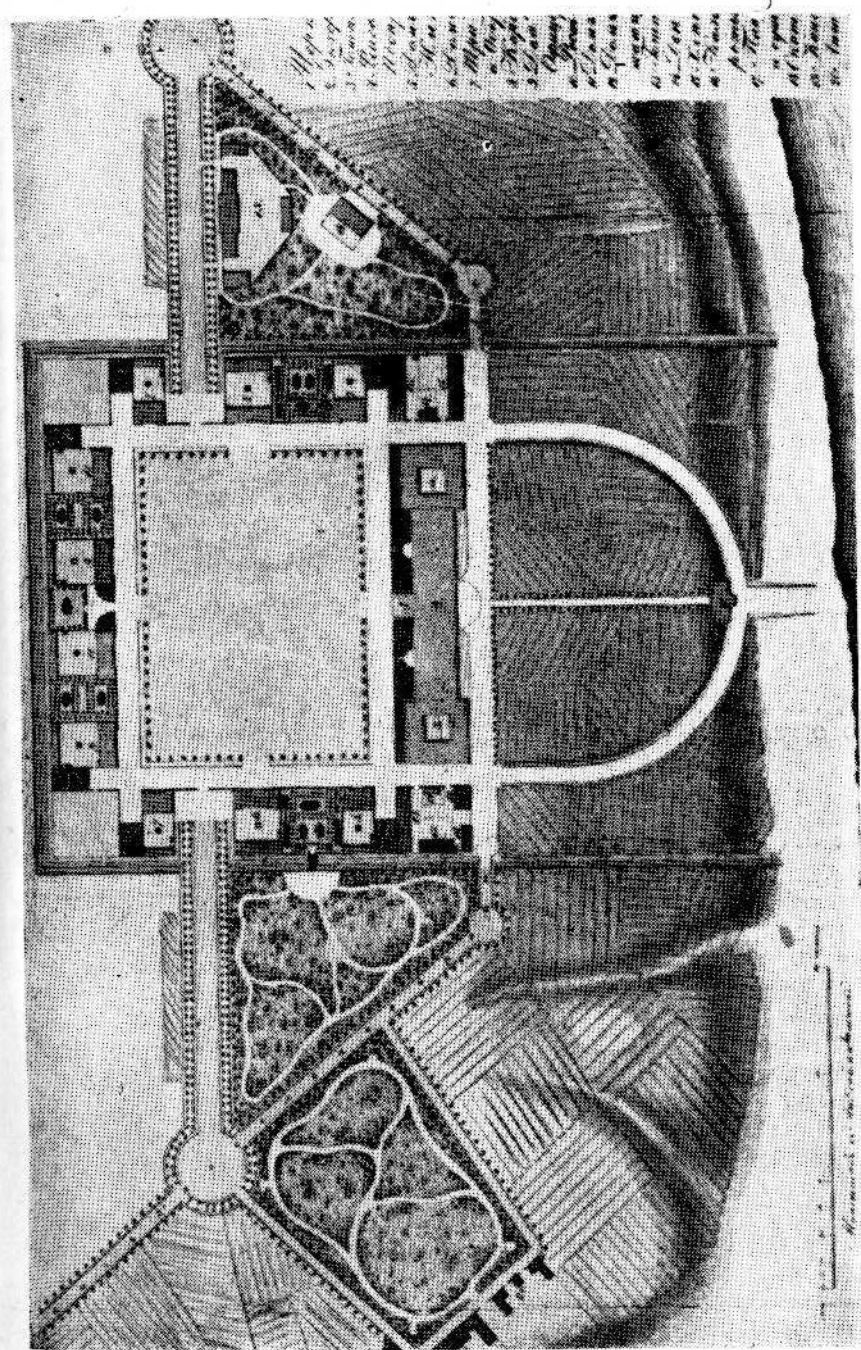

Рис. 2. Генеральный план штабного городка Второго округа (Муравьи). Чертеж инженера Ф. И. Рерберга, 1829 г. (ЛИИЖТ).

даю планы для гравировки шесть листов. Надписи и номера выставил только карандашом...»²³.

В основу планировки военных городков несомненно была заложена традиционная система русских деревень и сел. Однако их живописность, лиризм и уют, достигнутые искусственным использованием природных условий и многообразием архитектурных деталей свободно выстроенных деревень, здесь были утрачены, поскольку главным началом в организации военных городков явилась казенная регулярность, жесткий ритм расположения домов, строгое их единообразие и однотипность вплоть до оформления крылец, оград и озеленения. Нет сомнения в том, что творческое архитектурное вмешательство в организацию городков было исключено, поскольку все они были созданы по одной принятой схеме²¹. Здоровая в своей основе идея строительства типовых жилых домов и их группировка в поселки практикой аракчеевских поселений была дискредитирована.

*
*
*

Военные городки полковых штабов представляли собой обширную группу кирпичных весьма выразительных и простых по архитектуре зданий, расположенных по периметру громадного прямоугольного плаца, размерами около 5 га (200×250 м) (рис. 2). По одной большей стороне стояло грандиозное здание манежа с пристроенной церковью посередине и казармами на торцах.

По остальным сторонам плаца в строгом порядке размещались здания, предназначенные для офицерских квартир, ресторана и пр. Среди них имелись небольшие постройки полковой лавки и кордегардии, иногда соединенной с пожарной командой и имеющей башню.

Все эти сооружения, расположенные почти на равных расстояниях (около 45 м) по периметру плаца, были соединены чугунными оградами художественного литья и составляли своеобразный по архитектуре ансамбль. В Селицах плац был обсажен в два ряда деревьями и окружен каналом.

Четкое архитектурно-планировочное начало в группировке зданий штабных городков свидетельствует об участии здесь опытных архитекторов. Принимая во внимание грандиозный размах и для своего времени быстрые темпы строительства, всемерная экономия являлась важной проблемой, которая должна была решаться уже при составлении проектов. Их авторы искали такие приемы архитектурной выразительности зданий, которые не требовали больших затрат и в то же время гарантировали необходимую «репрезентативность» застройки. Опираясь на большой опыт строительства военных зданий в столице, архитекторы применяли простейшие приемы, например, ложную аркатуру, контрастные цветовые отношения строительных материалов (красный кирпич стен и белые детали — архивольты, тяги), добиваясь выразительного облика зданий, созданных без особых затрат на отделку фа-

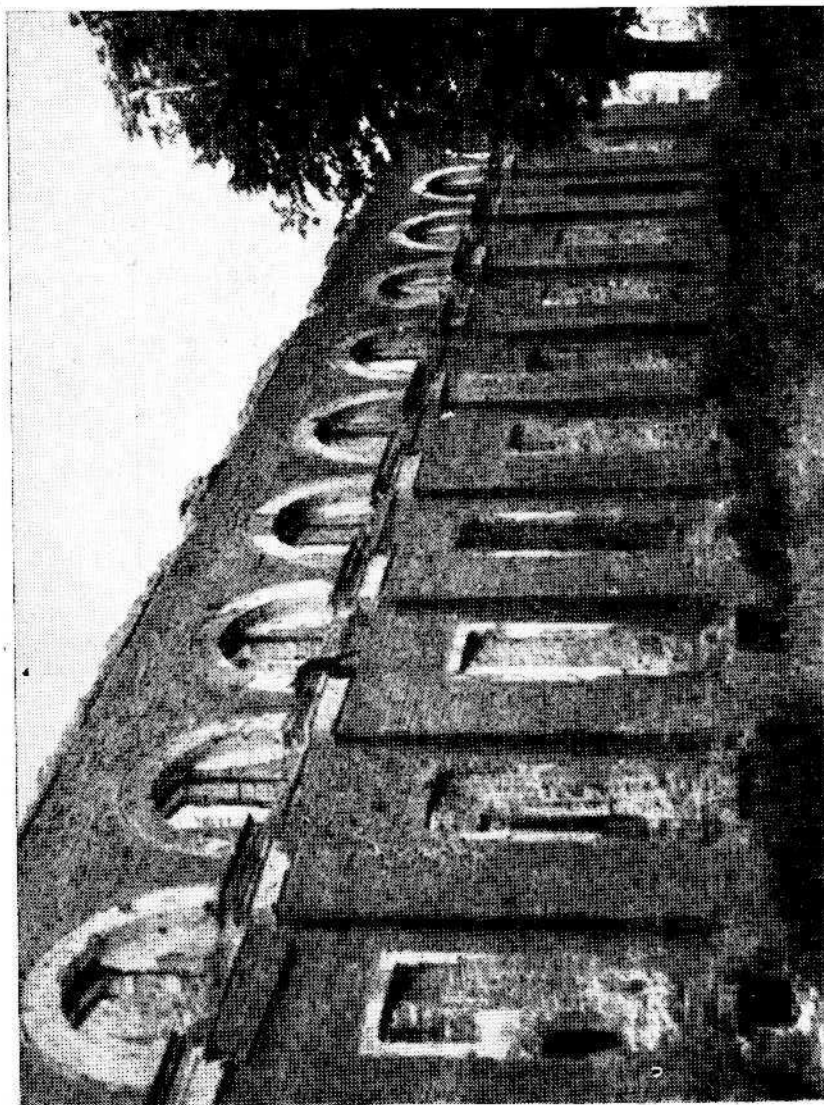

Рис. 3. Фрагмент фасада манежа в Селицах. Фото автора, 1955 г.

садов (рис. 3). Именно тогда были выработаны архитектурные особенности казарменных зданий, сохранявшиеся в России на протяжении нескольких десятилетий XIX века²⁵.

Строительство штабных комплексов в Селищах и Муравьях началось в 1818 году и было закончено в 1824 и 1826 годах. Тем временем развернулись работы по сооружению трех остальных штабов: в Кречевинах, Новоселищах и Медведе, которые в основном были закончены к 1830—1831 годам.

Все строительство шло под неослабным надзором самого Аракчеева, который в это дело вовлекал всех тех, кто, по его мнению, мог быть ему полезен. Огромную пользу в строительстве военных поселений принес опытный практик-архитектор Стасов. Аракчеев, наблюдая за его работами в своем селе Грузине, вовлек его в строительство военных поселений сперва неофициально, используя силу личной власти, а затем оформил его положение императорским указом, о чем и сообщил зодчему 12 октября 1823 года: «Вы столь много трудитесь по военному поселению, — писал Аракчеев Стасову, — что я счел нужным испросить вам у государя особое жалование, которое вы получите вдруг за два года, что увидите из копии прилагаемого указа»²⁶.

Казалось бы, факт участия Стасова в осуществлении идеи военных поселений является для него предосудительным. Это было бы так при свободном волеизъявлении, чего не могло быть в условиях аракчеевского режима александровской России. Стасов вынужден был в течение ряда лет до указа безропотно выполнять личные поручения Аракчеева по военным поселениям. Выше приводилось уже свидетельство Бухмейера, которое фиксирует факт просмотра Стасовым проектов архитектора Минута для поселений уже в 1818 году. Составление проектов зданий для полковых штабов также не обошлось без участия Стасова.

Самыми значительными из них были здания огромных манежей, соединенные с казарменными корпусами (госпиталем, школой или казармой резервного батальона). Строительство манежа в этом комплексе представляло собой достаточно трудную задачу по причине его громадных размеров (71×16 саж. или 151,5×34 м).

Для осуществления строительства этих манежей в военные поселения был откомандирован из Москвы инженер, генерал-майор Л. Л. Карбоньер, строивший в 1817 году московский манеж²⁷. Он получил предписание, чтобы осенью 1818 г. в Селищах был выложен «фундамент для предполагаемого штаба, т. е. для экзерциргауза, церкви, госпиталя, дома для кантонистов...»²⁸.

20 июня 1819 года Карбоньер сообщил Аракчееву, что в Селищах работы «производятся с возможным успехом по имеемым способам. В штабе цоколь школы и госпиталя, у стены экзерциргауза, к Волхову обращенной, более третьей доли цоколя сделано. В строении каменные положено кирпича в стенах два миллиона четыреста тысяч, на работе находится двести тридцать семь человек, из которых мастеровых только шестьдесят один»²⁹.

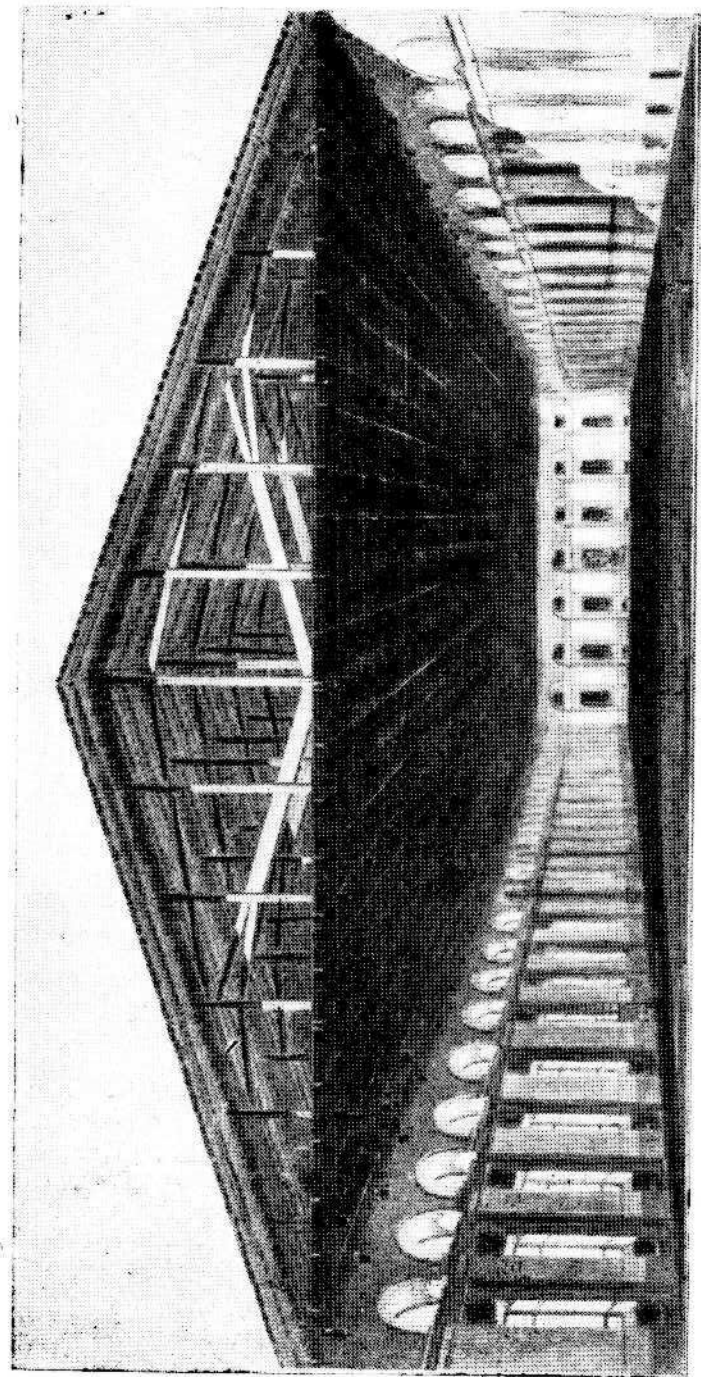

Рис. 4. Интерьер манежа при штабе Второго округа (Муравьи). Чертеж инженера Ф. П. Рерберга, 1829 г. (ЛПНЖТ).

Следовательно, к весне 1818 года проекты зданий хотя бы в общих чертах должны были быть готовы. Л. Л. Карбоньер имел опыт не только строительства, но и проектирования здания манежей. Всего лишь год назад он составил проекты двух вариантов манежей для Москвы, не утвержденных лишь потому, что Александр I не был уверен в том, что их ширина (24 и 20 саженей) — правильна³⁰.

Совместно с В. П. Стасовым Карбоньер создал оригинальные сооружения с манежами и в штабах военных поселений. Их интерьеры производили чрезвычайное впечатление своими колоссальными внутренними пространствами, охваченными по сторонам аркадами со световыми проемами и перекрытыми кессонированными подвесными потолками (рис. 4, 5). Пространство манежа перекрывали деревянные стропильные фермы с одиннадцатью стойками и раскосами из брусев. Если композиция здания и общие габариты манежа были определены к началу строительства, то детальная разработка, и в особенности решение церковного корпуса для штабов в Селищах и Муравьях, длилась довольно долго. Чертежи в крупном масштабе церкви в Селищах были утверждены лишь 22 июля 1819 года, а окончательный проект церкви в Муравьях утвержден 22 апреля 1820 года.

В течение одного—двух лет Стасов уточнял композицию церкви, добиваясь наибольшей ее компактности, особо обращал внимание на габариты, и упрощая конструктивное ее решение. Все это прослеживается на проектных вариантах Стасова. В одном варианте церковный корпус сильно выступает вперед. Восьмиугольный дорический портик увенчан огромным фронтоном и закрывает выступающий объем церкви. Интерьер решен в виде трехпролетной базилики с кессонированным сводом. Крайние корпуса — каре — слегка захватывают концы здания манежа.

В следующем варианте корпус манежа имеет те же габариты, но крепче связан с каре на торцах. Церковь здесь квадратная в плане с внутренней круглой колоннадой, несущей купол. Наружный восьмиколонный портик с тесно расставленными колоннами располагается на фоне гладкой стены параллелепипеда.

Еще типичнее для Стасова архитектура церкви в третьем, утвержденном варианте (рис. 6), где объем храма еще уменьшен, введен скульптурный венчающий фриз из военных и церковных атрибутов, характерен стасовский врезанный архивольт на полукруглом окне и пр.

Осуществленный церковный корпус отличался от утвержденного последнего варианта. Его объем меньше, перекрытие упрощено. Эта модуляция обосновывалась стремлением к наибольшей экономии и простоте строительства. Если в первом по времени штабном городке в Селищах церковь была выстроена большой, с трехпролетным базиликальным планом, пятью колоннами и антами, то в более поздних по времени городках: Муравьях, а затем в Кречевицах церкви были значительно меньше с шестиколонными портиками, подчеркивающими центр протяжен-

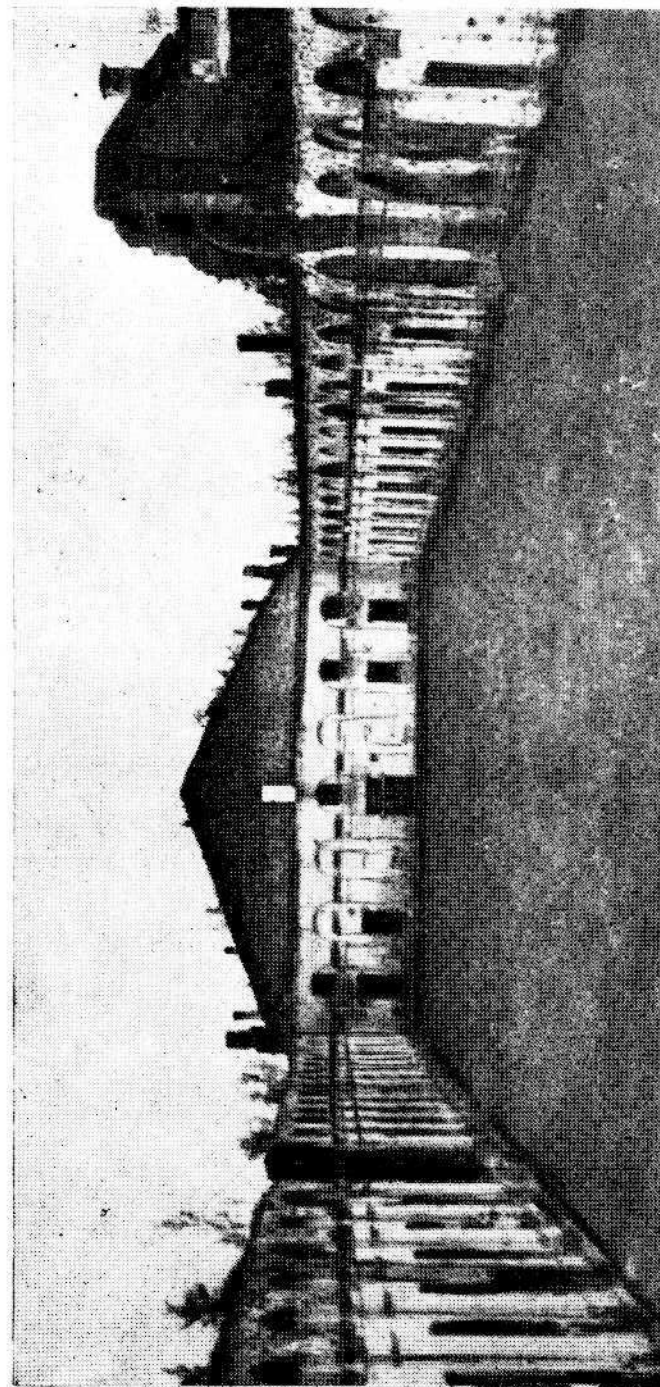

Рис. 5. Вид разрушенного немецко-фашистскими захватчиками манежа в Селищах. Фото автора, 1955 г.

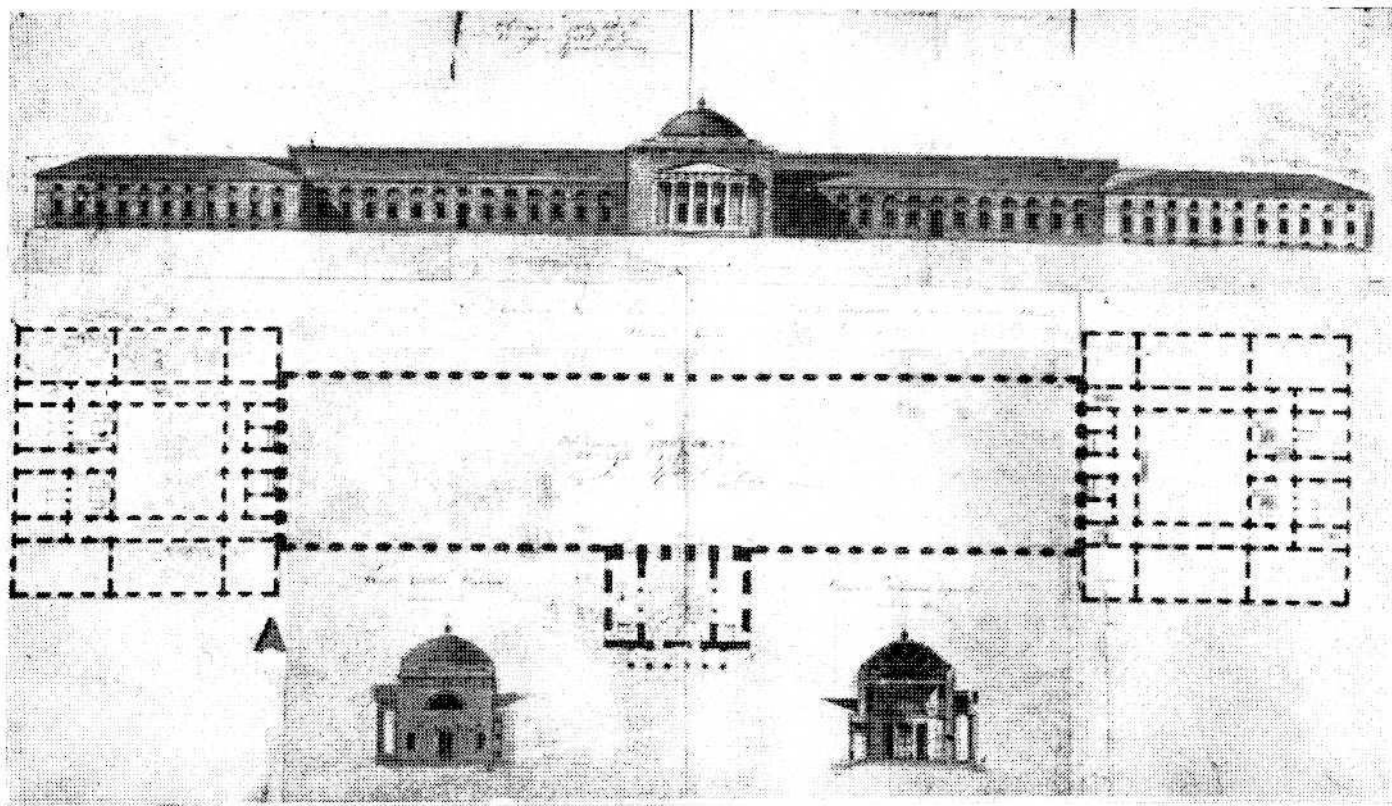

Рис. 6. Проект главного здания с манежем в штабном городке Второго округа (Муравьи). Утвержденный вариант 1820 г., архитектор В. П. Стасов (ЦГВИА).

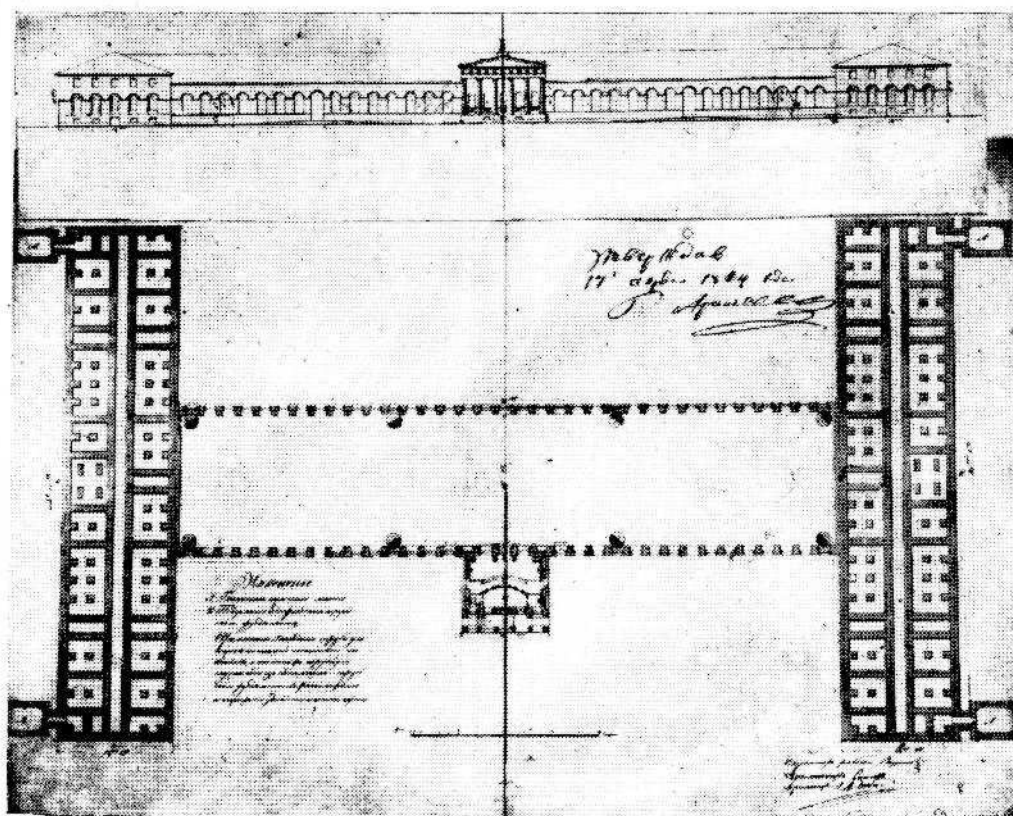

Рис. 7. План (по цоколю) и фасад главного здания с манежем в штабном городке Медведь. Утвержденный вариант 1824 г., архитекторы В. П. Стасов и Л. А. Дюбо (ЦГВИА).

ных фасадов, обращенных к плацу³¹.

Вместимость церкви могла быть увеличена за счет примыкающего манежа, в который раскрывались три большие двери.

В разработке проектов штабных зданий с начала 1820-х годов под руководством Стасова стал работать архитектор Л. А. Дюбю, подписывавший часть чертежей вместе со Стасовым. Рабочие чертежи подписывал он один. Для написания икон в иконостасы Стасов привлек крупных художников С. А. Бессонова, А. Г. Варнека, А. Е. Егорова, И. Е. Яковлева и др.³². Помимо Стасова за написанием икон наблюдал президент Академии художеств А. Н. Оленин³³. Композиция иконостасов не отличалась особой оригинальностью. Они выполнялись под непосредственным наблюдением Стасова. Сохранилось его донесение от 1 мая 1824 года о готовности для штабной церкви в Муравьях иконостаса «со всею резьбою и позолотою» и просьбой его о предоставлении для перевозки на место лодки с брезентом, с тем, чтобы на месте собрать, а потом «окончить последним разом краску, вылакировать и заправить в соединении штук позолоту»³⁴.

С 1824 года осуществляются три штабных комплекса: в Кречевицах, Новоселицах и Медведе. Их планировка — принципиально такая же, как и первых двух. Несколько изменена лишь композиция главного здания. Вместо замкнутых казарменных каре по торцам манежа здесь пристроены два длинных корпуса так, что план здания напоминает двугавр. Утвержденные 17 апреля 1824 года чертежи главного здания для штаба в Медведе подписаны директором работ Вороновым и архитекторами Стасовым и Дюбю³⁵ (рис. 7). Новая композиция менее компактна и гармонична, чем композиция планов таких же зданий в Селищах или Муравьях, но она была принята потому, что отличалась большими санитарно-гигиеническими и техническими удобствами с точки зрения освещенности, удобства расположения санитарных узлов. Архитектура фасадов была здесь такой же, как и в ранее выстроенных штабах на берегах Волхова³⁶.

Среди зданий, расположенных вокруг плаца, дома для офицеров по своему внешнему виду были типичными казарменными зданиями с монотонным ритмом окон и чуть акцентированным входом. В ансамбле заметно выделялось здание кордегардии с колоннадой. Более или менее сохранившаяся кордегардия в Селищах (рис. 8) обращает на себя внимание мощным портиком с тяжелыми дорическими колоннами и антами, скрывающим глубокую лоджию.

Тот же характер пропорций свойственен кордегардиям с пожарной частью, существовавшим и в других штабных городках. Вне всякого сомнения композиционный замысел кордегардии принадлежит Стасову. Достаточно вспомнить аналогичные проекты Стасова (трубной — в Петергофе или съезжей — в Грузине) — типичность для него пропорций кордегардий и, наконец, неоспоримый факт непосредственного участия этого зодчего в создании

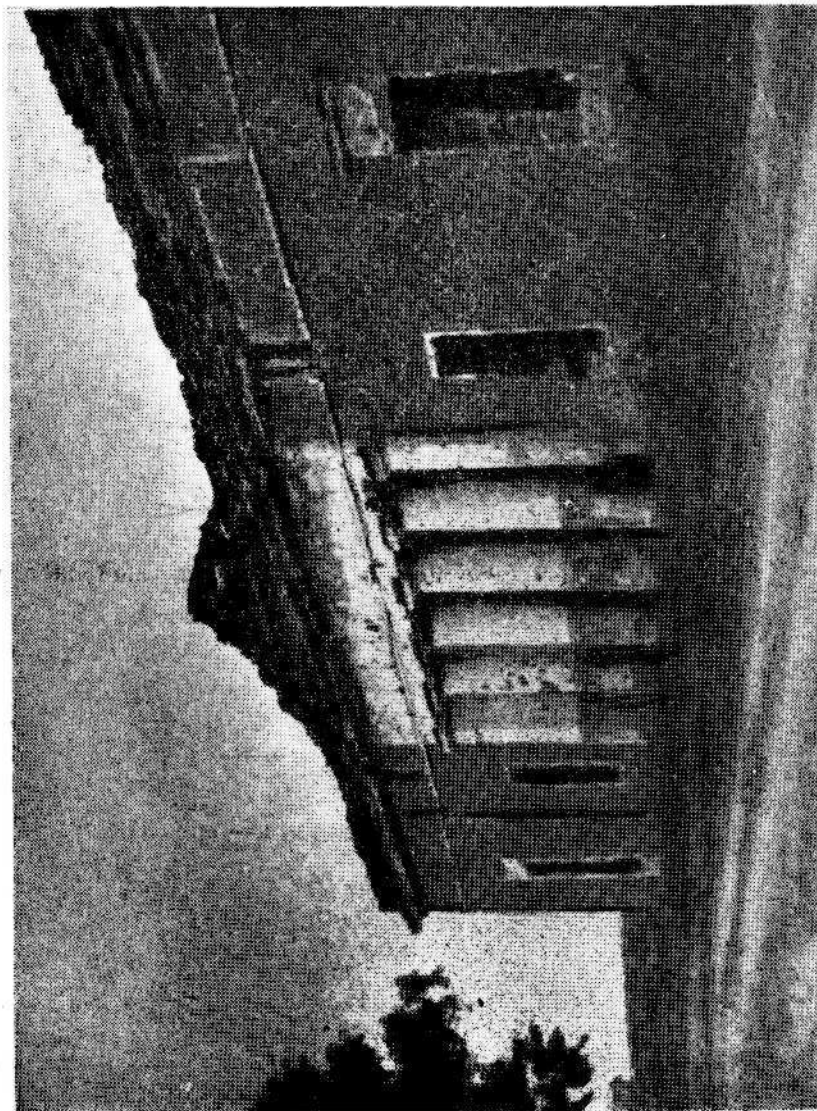

Рис. 8. Кордегардия в Селищах. Фото автора, 1955 г.

штабных городков³⁷ — вполне достаточно обосновывают авторство Стасова по проектам кордегардий.

Более столетия истекло со времени постройки военных городков близ Новгорода; тяжелые разрушения нанес враг их зданиям во время Великой Отечественной войны, однако, сохранившиеся мощные стены, колонны с чугунными капителями производят и теперь неизгладимое впечатление. Колоссальные по протяжению фасады главных зданий поражают навязчивостью ритма аркад, большим масштабом, в котором сказывается государственный размах всей затеи с военными поселениями, стоившей стране, помимо огромных средств, неисчислимых затрат физических и духовных сил русского народа (рис. 9).

Заключая краткое рассмотрение штабных городков новгородских военных поселений, следует сделать вывод о том, что это своеобразнейшее явление в русской архитектуре имеет исключительно важное значение для истории военного зодчества. Участие выдающихся строителей: Л. Л. Карбеньера, Ф. И. Рерберга, В. П. Стасова³⁸ является дополнительным аргументом для того, чтобы поставить вопрос перед органами охраны памятников зодчества о включении бывших штабных комплексов в список под охраненных объектов. Особенно это касается полностью сохранившегося городка в Новоселицах³⁹ и частично разрушенного городка в Селищах. Наличие чертежей и сохранность ряда зданий в Селищах дает основание ставить вопрос об их восстановлении и использовании для современных нужд. В этом комплексе, расположенном недалеко от железной дороги Ленинград—Москва, на водной артерии, может быть размещено закрытое учебное заведение, интернат, наконец, предприятия легкой промышленности и пр.

*
* *

Наряду с проектированием и строительством штабных комплексов в Новгороде и поселениях сооружались отдельные специальные здания, требовавшие наиболее высокого архитектурного искусства. Таким объектом явился, в частности, дом для временного пребывания императора при его наездах в военные поселения. Для этой цели в первые годы строительства поселений в Первом и Втором округах были выстроены деревянные павильоны с дорическими колоннами и лоджиями (рис. 10)⁴⁰. В дальнейшем, взамен этих временных построек полудекоративного характера, строятся дома с каменным первым и деревянным вторым этажами. Автором проекта этих зданий был Стасов. Разрабатывая проект, он исходил из того, чтобы и здесь создать лоджии, существовавшие в прежних павильонах⁴¹. Здание, имеющее простой план, отличается совершенностью композиции и превосходными пропорциями.

Лоджия во втором этаже оправдывалась не только назначе-

нием здания, но и его местоположением. Одно из них было выстроено на берегу Волхова близ Пильной мельницы во Втором округе у устья реки Волховец⁴², другое — сохранившееся до сих пор — в селе Коростыне. Дом на берегу Волхова стоял на искус-

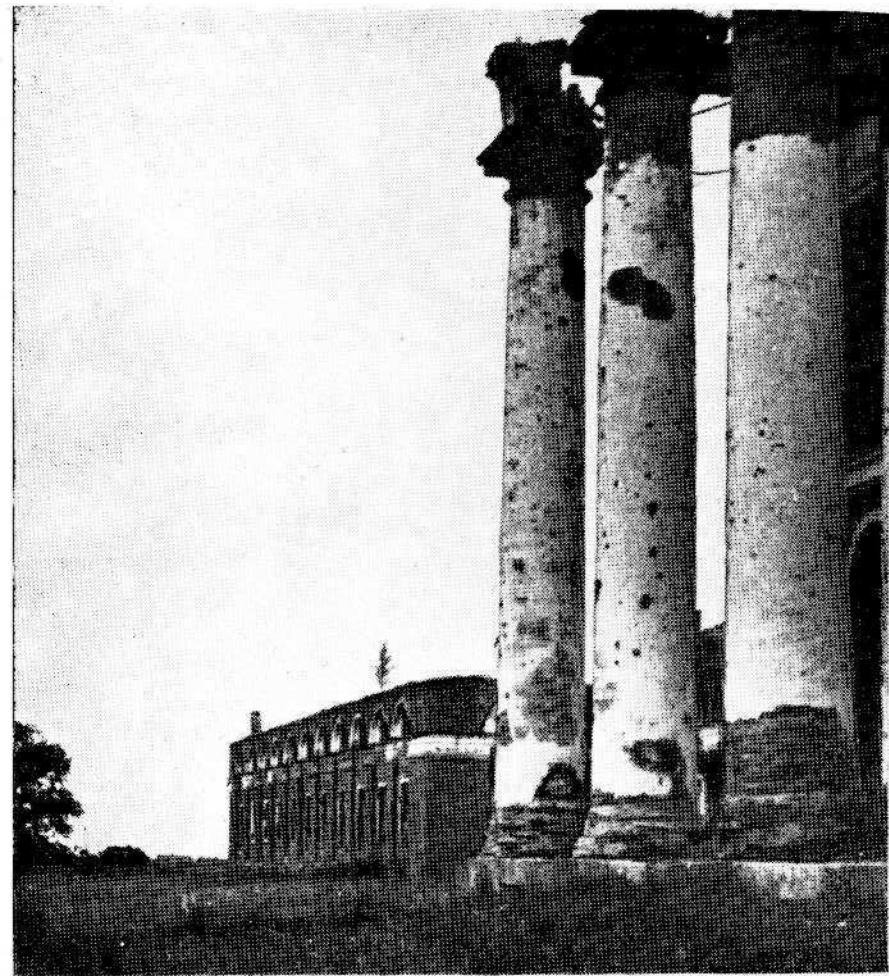

Рис. 9. Главное здание в бывшем штабном городке в Селищах (разрушено фашистскими захватчиками). Фото автора, 1955 г.

ственной платформе, с которой к реке шла широкая лестница с чугунными цветочными вазами по сторонам (рис. 11). Дом в Коростыне фасадом выходил на сельскую улицу (ныне на шоссе из Новгорода в Старую Руссу), по другую сторону которой к озеру Ильмень также спускалась широкая лестница. Оба дома домини-

ровали над местностью, и с их галерей открывался превосходный вид на водные просторы и поля. Несмотря на военные невзгоды⁴³, Коростынский дом сохранился хорошо (рис. 12) и находится под государственной охраной как памятник архитектуры. Однако в 1953 году в нем проводился ремонт без технического наблюдения. Занятый общежитием дом эксплуатируется крайне плохо, что способствует его дальнейшему разрушению. В этом доме особенно хороша лоджия с чугунной изящной балюстрадой⁴⁴ и мощными деревянными, составными по толщине (0,6 м), дорическими колоннами (высотой около 3,5 м), увенчанными деревянными капителями. Это здание является оригинальным подлинным произведе-

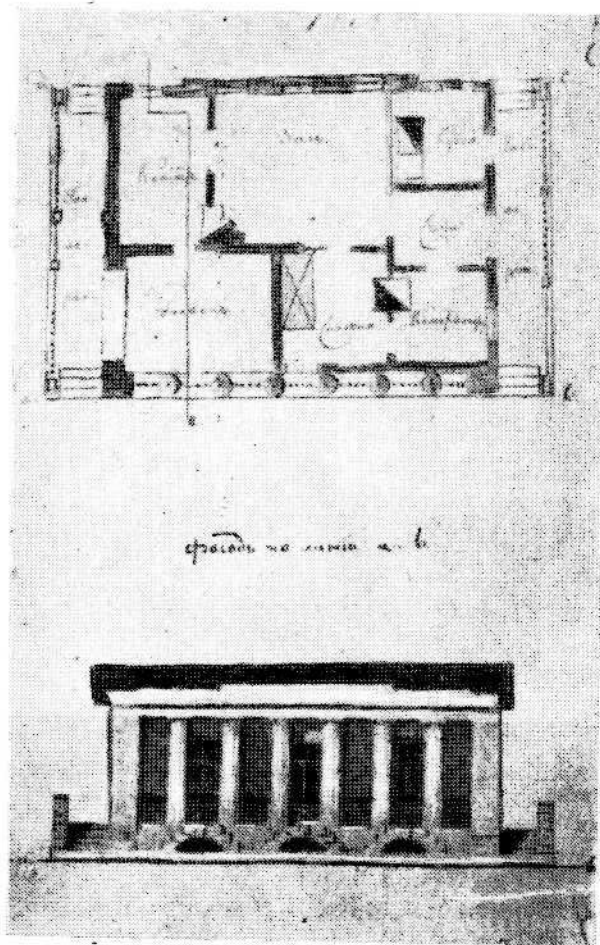

Рис. 10. Дом-павильон для приезда начальства в военных поселениях. Архитектор В. П. Стасов. 1818 г. (ГАНУ).

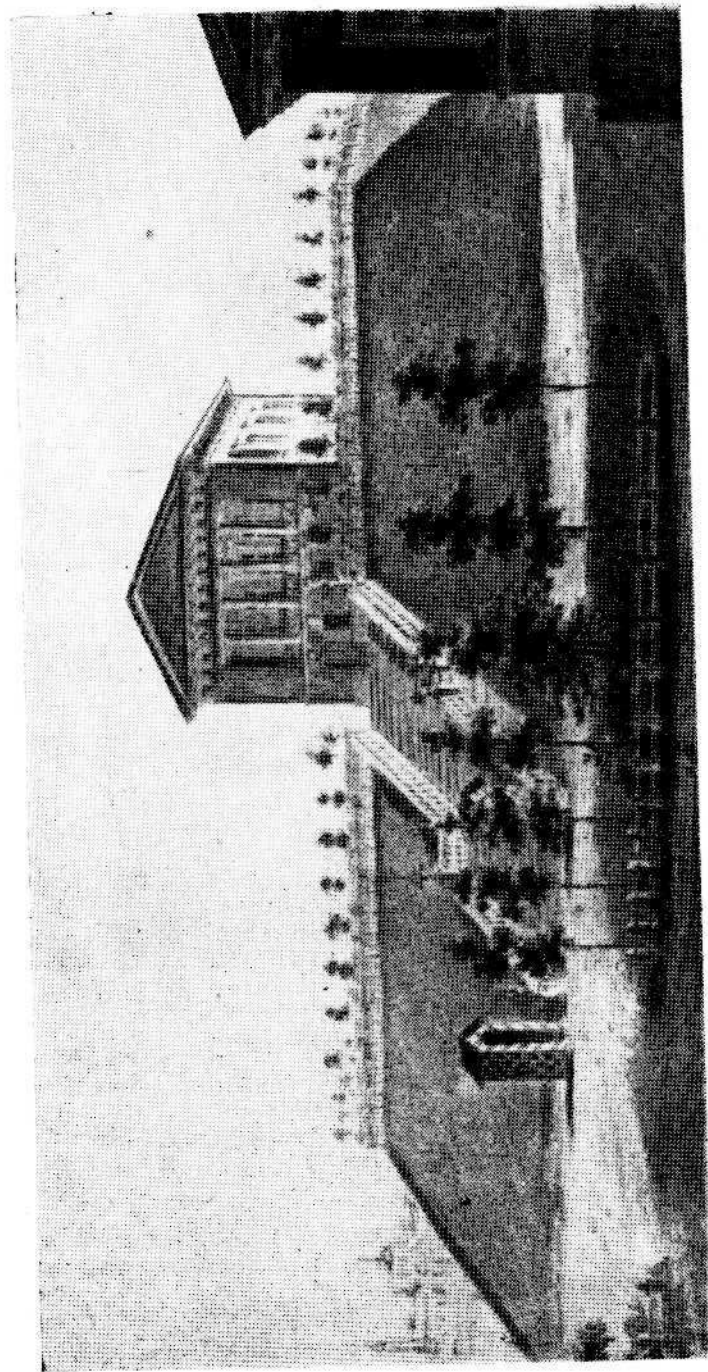

Рис. 11. Дом для приезда начальства в устье реки Малый Волховец. Архитектор В. П. Стасов, рисунок Ф. И. Рерберга, 1829 г. (ЛИИЖТ).

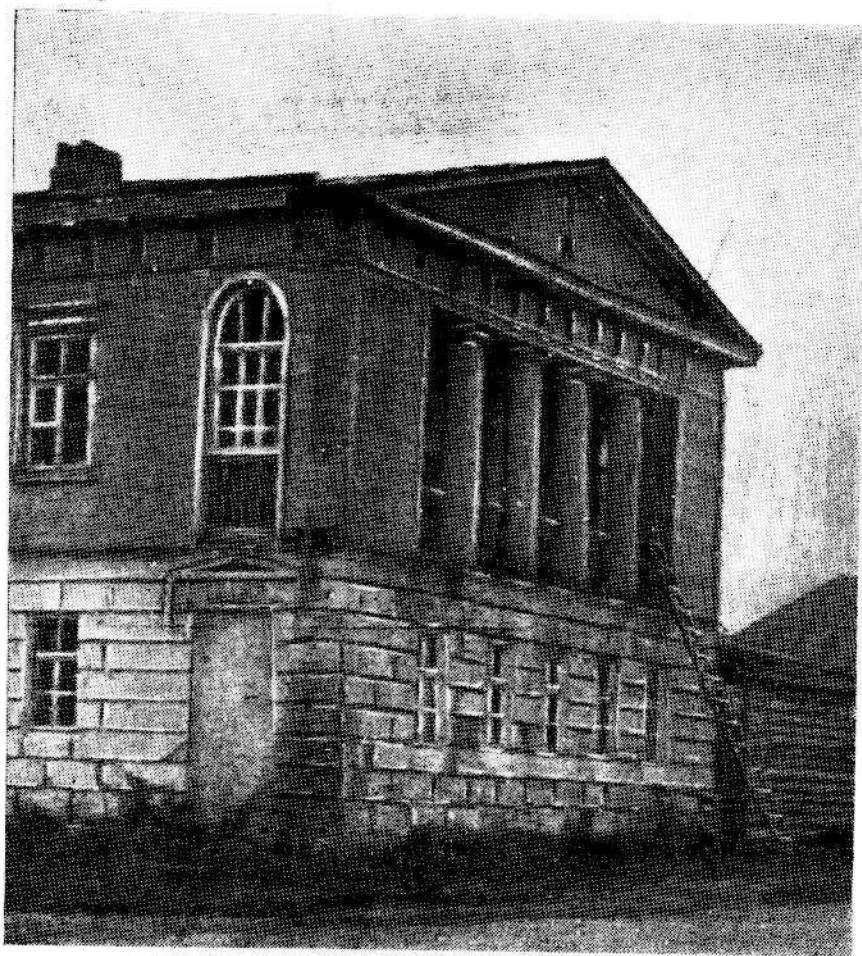

Рис. 12 Дом для приезда начальства в с. Коростыне. Архитектор В. П. Стасов, 1820-е годы. Фото автора, 1953 г.

нием Стасова большой художественной ценности, поэтому необходимо поднять вопрос об его неотложной реставрации, с привлечением выявленных теперь исторических чертежей.

* *

На Бронницкой горе, возвышающейся между Ильмень-озером и шоссе на Москву, сохранилось другое значительное произведение Стасова — бывшая церковь.

На вершине огромного кургана, более чем 28-метровой высоты, еще в середине XVIII века была выстроена на месте деревян-

ной — каменная церковь⁴⁵. С организацией округа военных поселений к нему отошла и Бронницкая церковь, к тому времени сильно обветшавшая. Весной 1826 года архитектор Я. Максимович составил проект ее восстановления. Помимо укрепления здания⁴⁶, он предусмотрел надстройку старых стен и замену деревянного купола каменным. Все материалы обследования и проект Максимовича были препровождены к Стасову с предложением «рассмотреть помянутые вновь проектированные план и фасад сей церкви и возвратити оные со своим мнением... с переделкой оных, если нужно»⁴⁷.

К поручению Стасов отнесся со свойственным ему вниманием. Его не удовлетворили представленные Максимовичем сведения о постройке, и он затребовал дополнительные данные, которые позволили бы ответственно рассмотреть представленный проект. Он запросил «разрез нынешней церкви и колокольни с означением всех подробностей, как то:

а) возвышенной плоскости, на которой стоит церковь до ее скатов, в) глубины фундаментов, с) положения сводов перемычек, железных связей, решеток, закладных рам, что из сего находится, d) стропил, потолочных и половых балок и их укреплений и прочее». Его интересовало подробное «описание повреждений церкви с изложением причин отчего-б оные последовать могли, как то: а) долговременное запущение без исправления ежегодно показывающихся повреждений, в) слабость грунта земли, с) недостаточная глубина фундаментов и дурная оных кладка, d) дурная кладка стен, e) дурное положение сводов и кладка оных и перемычек, f) течь в кровлях и дурное устройство оных и g) вообще или частно дурной материал и без разбору употребленный»⁴⁸.

Огромный опыт многих перестроек подсказывал Стасову, что старые здания всегда таят в себе технические неожиданности. И он был прав, так как дополнительные данные показали, что из-за ветхости храма использовать стены можно при условии их укрепления. 9 июня 1826 г. Стасов представил директору работ Ф. И. Рербергу свой проект коренной перестройки церкви (рис. 13), сопроводив его запиской, в которой изложил технические рекомендации:

«1. По недостатку живого камня⁴⁹ цоколь должно сделать хоть в один ряд из дикого или известкового камня, а остальное возводить из кирпича.

2. Карнизы вместо деревянных, как несвойственных каменным зданиям делать из кирпича, по лекалам приготовляемого...

3. Под портик забутить на известь все пространство, то есть как под колонны, так и между церковной стены и углубить не менее 2 аршин.

4. При цоколе кирпичном в должных местах положить двойные связи также и вокруг всей церкви и колокольни...

5. Шейку вместо жести обить черным железом и выкрасить белую краскою, а шар и крест — медные золоченые...

6. Вместо накатника (как было в старой церкви — В. П.) положить балки с обыкновенным потолком и смазкою⁵⁰.

8. Крыши выкрасить серою краской.

10. Полы наслать на новых сводах по столбам так, чтоб меж-

Рис. 13. В. П. Стасов. Проект северного фасада церкви на Бронницкой горе. 1826 г. (ЦГВИА).

ду ними были продушины и для того может понадобится вынуть часть земли из-под полов.

11. Иконостас устроить по особому проекту⁵¹.

12. Для сохранения впредь от вреда сию церковь устроить лечи⁵². (в проекте их предусмотрено 6).

Директор работ почему-то отклонил проектируемые Стасовым подпольные своды, на что Стасов заметил:

«Что же принадлежит до зделания сводов под настилку полов и выемки земли до некоторой степени для воздуха под полами то сие правило известно с самой древности и от которого я отступити не могу, ибо всякий пол не будучи отделен от земли: каменный будет покрыт мокротою по временам, какая бы под ним подбутка ни была, а деревянный подвержен преждевременной гнилости, пропуская сквозь себя испарения из земли вредные для людей а особливо в большом собрании»⁵³.

Такие элементарные вещи приходилось Стасову объяснять даже опытным строителям, каким был директор работ Ф. И. Рерберг. Наконец, 29 октября 1826 года проект был утвержден и 15 ноября направлен начальнику строительства Волкову для составления сметы.

Прежнюю почти квадратную в плане церковь с пристроенной колокольней Стасов переделывал основательно. Он сохранял старые стены с закладкой ряда ниш, усилением и выравниванием внутренних столбов. Два запроектированных дорических портика придали зданию монументальный вид. Охваченное дорическим антаблементом, оно увенчивалось куполом на высоком граненом барабане. Колокольня над притвором завершалась более чем пятнадцатиметровым шпилем, который вызвал резкие возражения со стороны Волкова. Последний указывал, что шпиль «по величине его и толщине не может иметь достаточного укрепления так, чтобы при сильных ветрах не был подвержен опасности быть сорванным, ибо высота от горизонта земли до оконечности креста, считая с возвышенностью горы, простирается до 30 сажень (около 64 метров — В. П.), следовательно, при сильных ветрах со стороны озера Ильмень, которое находится в недалеком от горы расстоянии, сего легко ожидать можно»⁵⁴.

Не соглашаясь с доводами Волкова, Стасов указывал, что «проектированной пропорции шпили находятся на различных больших еще высотах от горизонта, то и сей может быть надежно укреплен без опасения от ветров по системе, какую за лучшую избрет строитель или какая будет дана в практическом детальном чертеже, лишь бы устройство было произведено из сухого соснового лесу и верною плотничною и кузнечною работою»⁵⁵.

Сделав серьезные замечания по смете Волкова, в которой не были учтены некоторые технические моменты, Стасов сам предложил кое-какие упрощения, например, заменить чугунную решетку вокруг фонарика железной, отменить четыре чугунные жертвенника у колокольни, «ибо оные только что украшения», чугунные капители заменить лепными, «которые несравненно дешевле и простоят под хорошим прикрытием столько же как и самая церковь»⁵⁶.

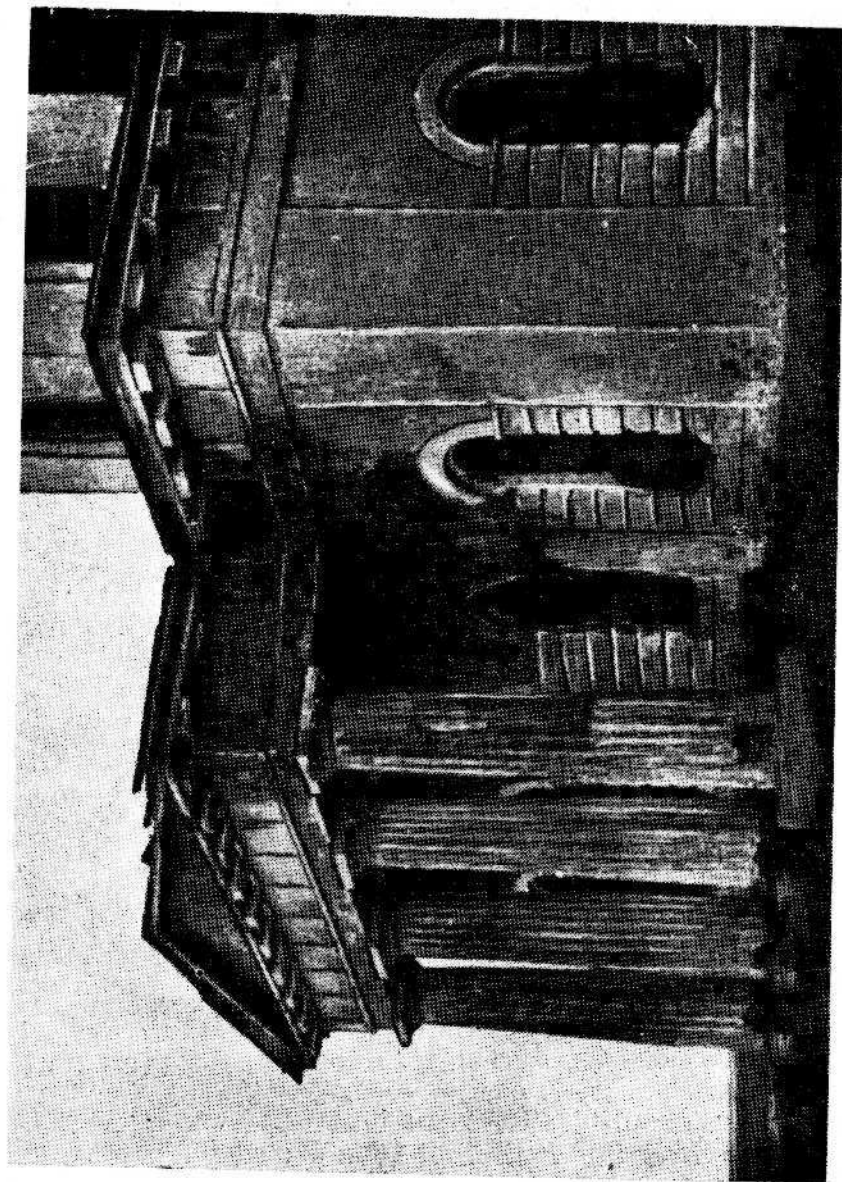

Рис. 14. В. П. Стасов. Северный портик церкви на Бронницкой горе (1826—1832 гг.).
Фото автора, 1953 г.

Со всеми замечаниями и уточнениями проект и смета были приняты к исполнению, и летом 1828 года строительство началось. Тут же было обнаружено, что старые стены по своему состоянию сохранены быть не могут. Новые стены вывели на гранитном цоколе.

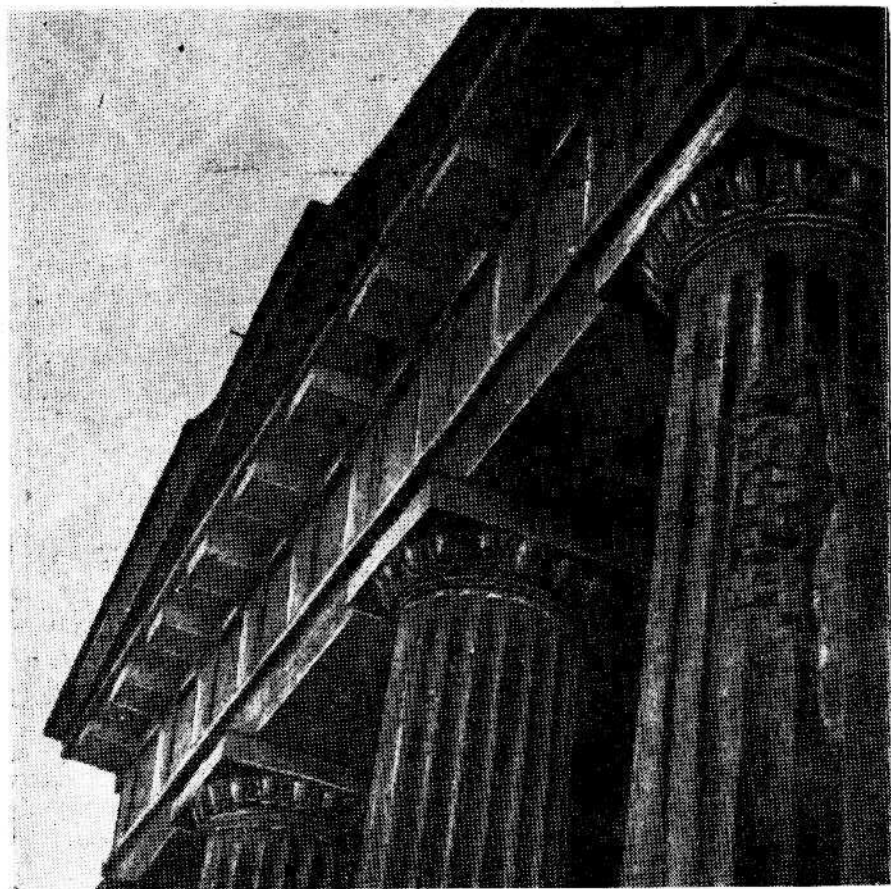

Рис. 15. В. П. Стасов. Деталь северного портика церкви на Бронницкой горе.
Фото автора, 1953 г.

В ноябре 1829 года Стасов разработал детальные чертежи⁵⁹ и составил пояснения к устройству деревянного на колокольне шпиль. Он предусматривал систему из брусьев с раскосами, обвязками, соединенными хомутами и болтами, с обшивкой из досок и покрытием белым железом. Шпиль венчался позолоченным медным шаром и железным, обложенным золоченой медью, крестом⁶⁰. Однако проект Стасова не встретил сочувствия на постройке, и про-

изводитель работ архитектор Максимович, критикуя конструкцию Стасова, представил свой вариант.

В связи со сложившейся ситуацией был учрежден специальный «комитет построения шпиля колокольни на Бронницкой горе»⁶⁰, который отверг конструкцию, предложенную архитектором Максимовичем, и, учитывая, что часть колокольни старая и ненадежная, решил не возводить шпиль вовсе, заменив его обыкновенной шейкой с главой и крестом, «через что отвратятся все затруднения к построению шпиля и возникшие возражения и равно издержки сократятся»⁶⁰. Это решение подписал вместе с остальными членами комитета и Стасов.

Новый чертеж завершения колокольни был утвержден 26 апреля 1830 года⁶¹. Основные работы по строительству церкви были закончены в 1830 году, но установка крестов и отделка внутри (включая составление и частичную переделку прежнего иконостаса)⁶² затянулись до 1832 года. Вокруг церкви на вершине кургана была устроена площадь для построения воинских подразделений и проложена на холм дорога, обсаженная деревьями⁶³.

Как можно судить по описи 1836 года⁶⁴, отделка церкви была весьма скромной. Здание имеет небольшие размеры (длина 26,35 м, ширина — 19,21 м), но благодаря мощным дорическим портикам (рис. 14) воспринимается как монументальное здание. Связанный старыми габаритами, Стасов все же достиг яркой выразительности здания. Силуэт церкви — не оригинален, но нижняя часть массива с превосходными дорическими портиками, сочными капителями (рис. 15) имеет благородный пестумский характер и оставляет неизгладимое впечатление, которое усиливается замечательным местоположением храма на вершине огромного кургана. Вместе с природным окружением храм образует редкий ансамбль.

Несколько странное впечатление производит лишь поржавелое железо, которым обтянуты западная и южная грани барабана и колокольни. Это было сделано в целях предупреждения выветривания оштукатуренных стен сильными доминирующими ветрами.

Во время обследования постройки в 1953 году местным органам охраны памятников нами было сообщено об авторе храма, на основании чего был возбужден вопрос о государственной охране этого произведения Стасова. Наряду с этим следует безотлагательно провести обмер, консервационные меры, а затем и реставрацию здания.

Можно предполагать, что в новгородских поселениях не одна церковь была осуществлена по проектам Стасова. Это подтверждает, в частности, факт разработки им неосуществленного проекта перестройки старой церкви в селе Свинорде на берегу реки Шелони⁶⁵.

Большое значение для Новгорода имела работа Стасова по перестройке бывшего Путевого дворца для расквартирования в нем штаба корпуса военных поселений. Дворец был выстроен во второй половине XVIII века и по своей архитектуре примыкал к работам мастеров раннего классицизма⁶⁶. Но уже в первом десятилетии XIX века находился в запустении.

Новгородский гражданский губернатор в апреле 1809 года возбудил вопрос о его восстановлении для приезда нового генерал-губернатора Ярославской, Тверской и Новгородской губерний, принца Георгия Ольденбургского⁶⁷.

Командированный из Петербурга архитектор Григорий Ткачев в 1810 году составил проект восстановления дворца: но это предложение осталось не реализованным. В 1821 году новгородский городской архитектор Дмитриев разработал три новых варианта проекта⁶⁸.

Но и эти проекты не были осуществлены, так как здание передали военному ведомству для размещения штаба корпуса военных поселений. Проект приспособления старого здания выполнил уже Стасов в 1824 году; строительные же работы осуществлялись в последующие три года.

Основных чертежей проекта разыскать не удалось, но выявлено несколько рабочих подписных чертежей, которые исполнялись зодчим по мере осуществления тех или иных строительных работ. В январе 1825 года Стасов представил чертеж венчающего здания дорического антаблемента, обозначая пунктиром профиль старого карниза. Одновременно он исполнил чертеж усиления старых стропил.

Позднее, в 1827 году, на постройку он направил чертежи оконных переплетов и дверей, показав устройство тамбура у наружной двери, расстановку перил лестницы и разбивку ступеней крыльца. Все это говорит о том, что фактическое руководство перестройкой здания осуществлял сам Стасов, вникая во все технические вопросы. Строительство осуществляли архитекторы А. А. Гамбурцев и Л. Пелли⁶⁹, под наблюдением директора работ инженера Воронова.

Сохранив прежние габариты бывшего дворца, Стасов совершенно изменил его архитектурную характеристику, придав зданию черты классицизма. Строгое здание, увенчанное дорическим антаблементом, отвечало новому назначению. Значительным его украшением явилась художественная чугунная решетка с накладными венками, охватившая парадный двор. Ее рисунок характерен для Стасова.

Без существенных переделок здание просуществовало до 1941 года, когда было сильно разрушено фашистскими захватчи-

ками. От него сохранились лишь стены и частично своды.

В мае 1952 года архитектор Новгородского облпроекта М. М. Шилова (под руководством И. И. Кушнера) составила проект восстановления здания для использования его как Дома культуры. Не зная еще об авторстве Стасова, Шилова и Кушнер решили сохранить зданию его прежний облик, однако при этом была допущена измельченность деталей. Новые данные позволяют теперь ставить вопрос о том, чтобы при последующих ремонтах полностью восстановить фасады, соответственно собственноручным чертежам Стасова, и сохранить весь комплекс, как памятник архитектуры 1820-х годов.

Говоря о городе Новгороде, как центре нескольких военных округов, нельзя не привести интересный проект В. П. Стасова казарменного комплекса на 500 нижних чинов в двух корпусах в среднем — для 10 штаб- и обер-офицеров. Для постройки этих казарм были намечены на выбор три площадки на Софийской стороне.

Обращает на себя внимание градостроительная тенденция, заложенная в композиции расположения трех зданий, образующих парадный двор, открытый в сторону улицы.

На парадном дворе почти глухие торцевые фасады по сторонам способствуют выявлению среднего — офицерского корпуса, расположенного в глубине, оформленного чуть параднее (сандрики) солдатских казарм (рис. 16).

Здания создают спокойную застройку с фасадами, характерными для жилых домов того времени с рустовкой, разгрузочными арками, замковыми камнями в их тимпанах и простейшими сандриками.

Известно, что в Новгороде использовались для частных строений образцовые фасады, сочиненные Стасовым. Таким образом, данный казарменный комплекс должен был хорошо войти в городскую ансамбль, образуя небольшой акцент на одной из улиц Софийской стороны. Однако проект, разработанный в 1827 году, утвержден не был и казармы — не построены⁷⁰. Тем не менее, проект, состоящий из генерального плана, планов, разрезов с схематическим обозначением конструкций и исчерпывающе ясных фасадов, ценен как характерный пример, раскрывающий широкий и всесторонний подход к решению задачи на основе градостроительных, утилитарных, технико-строительных, экономических и художественных соображений.

*
* *

Для соседнего Старорусского округа военных поселений, утвержденного в 1824 году⁷¹, были использованы многие проекты, выполненные для новгородских поселений⁷². Однако Стасову давались специальные задания. Наиболее крупной его рабо-

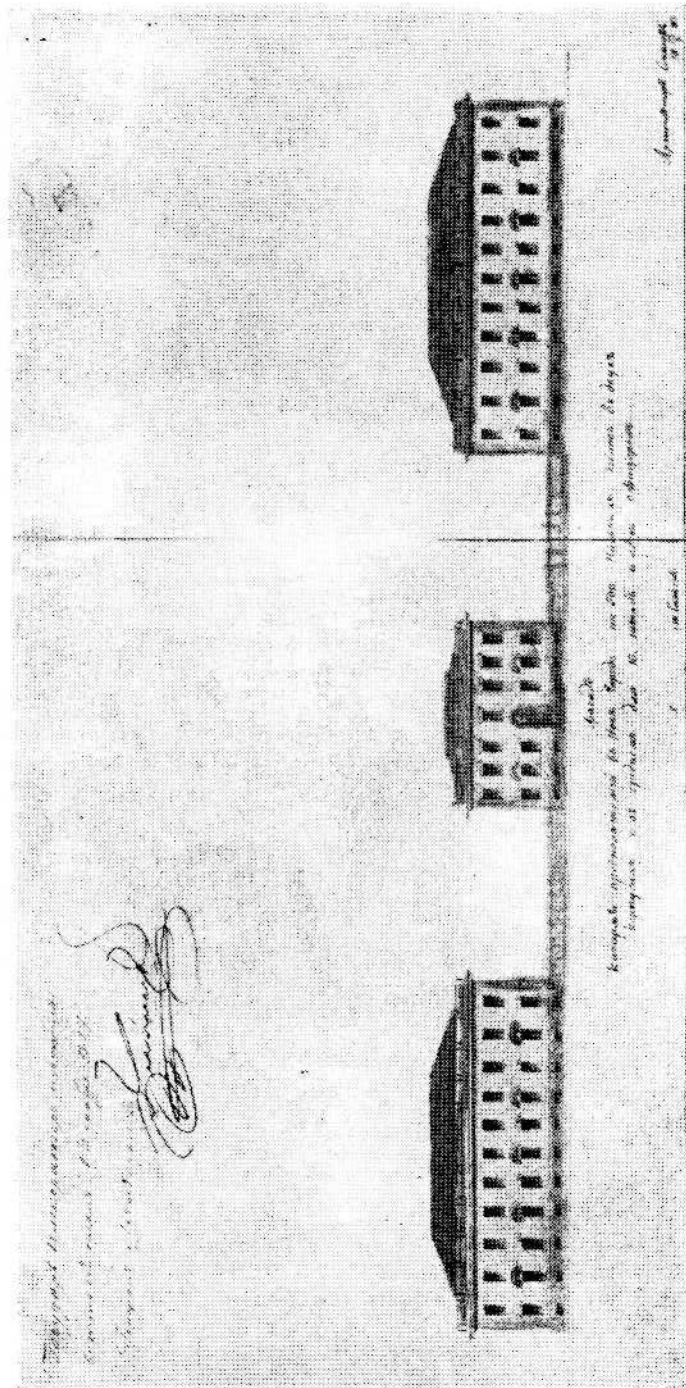

Рис. 16. В. П. Стасов. Проект фасадов казарменного комплекса для города Новгорода, 1827 г. (ЦГВИА).

той для Старой Руссы был проект (утвержден 23 июня 1827 года) перестройки обветшавшего Воскресенского собора⁷³. Проект был осуществлен к 1830 году.

Это здание подвергалось впоследствии дальнейшим перестройкам, кроме того не выявлены чертежи проекта Стасова. Поэтому говорить об изменениях пятикупольного храма XVII века, сделанных Стасовым, не представляется возможным. Описание К. Случевского свидетельствует о том, что некоторые элементы архитектуры XVII века, в частности, фриз из кокошников под главным карнизом, были сохранены⁷⁴.

В 1830 году Стасов составил также чертежи переделки отдельно стоящей соборной колокольни, как пишет он, — «согласно архитектурой с наружностью одного собора и с прибавлением по верх яруса, где висят колокола, — галереи часовому для наблюдения за пожарами»⁷⁵.

Стасовым же составлен проект церкви для округа Киевского гренадерского полка, поселенного в Наговской волости Старорусского уезда. При проектировании зодчего ничто не связывало, и он представил оригинальное по композиции решение с очень простой, без излишеств, архитектурой. Отсутствуют даже тривиальные портики. Вместо колокольни он предусмотрел звонницы, которые позволили ему выдержать традиционную схему пятиглавого храма. Пользуясь минимумом архитектурных деталей и простыми пропорциями, Стасов создал выразительное произведение.

Разработанный Стасовым тип небольших церквей для военных поселений получил распространение, и в подражание ему составлялись проекты аналогичных храмов, например, церкви для села Минюши (1834 г., инженер Ф. И. Рерберг), в котором повторен в стасовской трактовке основной объем, а вместо звонниц запроектирована пристроенная колокольня со шпилем. Архитектура в этом проекте отличается чрезмерной измельченностью, несвойственной почерку Стасова.

Рассмотренные факты участия крупных архитекторов и, в частности, Стасова в создании военных поселений позволяют сделать следующие выводы:

1. Сохранность многих зданий в пяти бывших штабах новгородских военных поселений позволяет ставить вопрос об их государственной охране как характернейших исторических памятников архитектуры военного строительства в России в первую треть XIX века и произведений В. П. Стасова и крупных инженеров того времени Л. Л. Карбоньера, Ф. И. Рерберга и др.

2. Сохранившиеся здания: дом в Коростыне и храм на Бронницкой горе, как уникальные произведения Стасова и хорошие образцы архитектуры, не только должны охраняться, но безотлагательно подвергнуться реставрации на основе исторических документов.

Принятые сокращения названий учреждений в «Примечаниях» и под рисунками.

ГАОНО — Новгородский областной гос. архив.

ГМИЛ — Государственный музей истории Ленинграда.

ГПБСЦ — Ленинградская гос. публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина.

ЛИИЖТ — Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта.

ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИАЛ — Ленинградский госуд. центральный исторический архив.

¹ Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766—1831). М. 1867, стр. 237.

² А. К. Гриббе. Граф А. А. Аракчеев — «Русская старина», 1875, январь, стр. 103.

³ Бунт военных поселен в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб. 1870; А. Слезкинский. Бунт военных поселен в холеру 1831 г. (по неизданным подтверждениям). Новг. 1894, Под тем же названием в «Историческом вестнике», авг. 1893 г.

⁴ В. И. Ленин. Сочин. 4 изд., т. 5; статья «Гонители земства и аннибалы либерализма», стр. 28.

⁵ Проф. Шиман. Александр I. 1908, стр. 125.

⁶ История СССР под редакцией М. В. Некиной, т. 2, изд. 3, 1954, стр. 104.

⁷ Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. 4, СПб. 1898, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 26.

⁹ Некоторая литература:

Н. Богословский. Аракчеевщина. СПб. 1882.

А. К. Гриббе. Граф Алексей Андреевич Аракчеев — «Русская старина», 1875, янв., стр. 84—123. Он же. Новгородские военные поселения — «Русская старина», 1885, № 1—3, стр. 127—152.

К. К. Детлов. Инженер генерал-майор К. Ф. Детлов (1789—1840) — «Русская старина», 1885, стр. 205—228.

С. И. Мосалский. Мой век или история генерала Маевского д. П. Аракчеевщина. — «Русская старина», 1873, т. 8, стр. 435.

Материалы для истории военных поселений. — «Новгородский сборник», вып. 1, Новг. 1865, ч. II. Также, вып. 2, Новг. 1865, ч. II.

«Отчет по военным поселениям Старорусского отряда...» — «Новгородский сборник», вып. 3, Новг. 1865, ч. 2, стр. 137—213.

Д. К. Тарасов. Воспоминания моей жизни. — «Русская старина», 1871, т. 4. О поселениях, стр. 644.

Учреждение о военных поселениях пехоты. СПб. 1817. (брошюра, написанная М. М. Сперанским) и др.

¹⁰ Д. К. Тарасов. Указ. сочин., стр. 644.

¹¹ Н. Богословский. Указ. сочин., стр. 381.

¹² ЦГИАЛ, ф. 472, оп. 4/836, д. 136, лл. 1, 5. Также ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, запись о деле на стр. 40.

¹³ К. К. Детлов. Указ. сочин., стр. 210.

¹⁴ ЛИИЖТ, № 5433. Вложено письмо Ф. И. Рерберга, в котором он пишет, что «с 1818 по 1825 год заведывал исключительно всею строительною частью» в этом округе.

¹⁵ К. К. Детлов. Указ. сочин., стр. 210.

¹⁶ Н. Богословский. Указ. сочин., стр. 283—285.

¹⁷ ГПБСЦ. Отделение рукописей, архив Аракчеева, за 1826 г., ф. II, лл. 242—247. Приведены списки «мастеровым... находящимся для обучения в ведении архитектора Минута, кои назначаются к определению в мастерские роты».

¹⁸ ЛИИЖТ, № 5433. «Атлас строениям в полковом штабе и в поселенных ротах гренадерского его величества короля Прусского полка с приложением

карты всего округа и планов расположений полкового штаба и поселенных рот». 72 лист раскраш. литогр., разм. 29×43. СПб. 1829.

¹⁹ Подробнее см. — Материалы для истории военных поселений. — «Новг. сборник», 1865, вып. 1, ч. II, вып. 2, ч. II.

²⁰ Чертеж приведен среди материалов для истории военных поселений в «Новг. сборнике», вып. 2, ч. II.

²¹ ЦГАДА, ф. 1253, оп. 1, д. 161, л. 6, № 56.

²² Новгородский сборник, вып. 5. Новг. 1865, ч. II, стр. 29.

²³ ГПБСШ. Отделение рукописей, архив Аракчеева, 1818 г., ф. 9, лл. 149, 150. Чертежи были выполнены А. И. Миным, литографированы и разосланы по округам, (ЦГВИА, ф. 349, оп. 23, лл. 236—246, ф. ВУА, № 90396, ГАНО, ф. 501, св. 1, д. 2).

²⁴ В архивах сохранились планы различных городков военных поселений, в частности, см. ГАНО, ф. 567, оп. 1, д. 2—7, ЛИИЖТ, № 5433.

²⁵ В частности, в таком же духе в начале 1830-х годов выстроен комплекс казарм лейб-гвардии Литовского полка на Выборгской стороне в Петербурге (на нынешнем пр. Карла Маркса). (См. натуру и ГМИЛ, атлас Майера, УП, ч. II, отд. II, лист В60 — план Выборгской стороны).

²⁶ ГПБСШ. Отд. рукописей. Бумаги В. П. Стасова, п. 2, письмо № 9. Упомянутый указ от 10 окт. 1823 г. Александра I на имя Аракчеева: «Архитектору Стасову, которого вы занимаете по части строительной в военном поселении и который как больше употребляется к сему с 1822 года, предоставляю вам производить из сумм военного поселения по 2 000 рублей в год, выдавая ему такую сумму за прошедший 1822 и нынешний 1823 годы» (Там же, п. II, л. 27).

²⁷ Московский манеж имеет размеры 78×21 саж. (166,5×45 м).

²⁸ ЦГВИА, ф. 398, оп. 1/1204, св. 2, д. 16, л. 1. Отношение директора работ Л. Л. Карбоньера.

²⁹ Н. Богословский. Указ. сочин., стр. 383—384.

³⁰ М. Будылина. История постройки манежа в Москве. Сборник «Архитектурное наследство», № 2, М. 1952, стр. 236.

³¹ Селищенские и Муравьевские казармы сильно разрушены врагом во время Великой Отечественной войны и сейчас не восстановлены. Руины находятся в распоряжении колхозов, которые используют их как кирпичный карьер.

³² Отчет имп. Академии художеств за 1828—1829, 1830 гг. и др.

³³ Отчитываясь в этом, А. Н. Оленин 21 сент. 1824 г. отирывал Аракчеву «официальный отзыв от имени императорской Академии художеств касательно заказываемых образов по мерам, данным г. архитектором Стасовым для церкви, сооружаемой в штабе поселенного полка имени вашего сиятельства...» (ЦГАДА, ф. 1253, оп. 1, д. 272, л. 645).

³⁴ ГПБСШ. Отд. рукописей. Бумаги В. П. Стасова, п. 2. Письмо Стасова к Аракчеву из СПб от 1 мая 1824 г., л. 15.

³⁵ Сохранился чертеж с копией плана госпиталя в штабе императора Австрийского полка (Кречевицы), на котором указано, что подлинник подписали «директор работ Воронов, архитектор Стасов, архитектор Дюбю». Заверили «С подлинным верно архитектор Троепольский». (ГАНО, ф. 571, оп. 1, д. 40, л. 1).

³⁶ В Новгороде находится здание манежа, по своей архитектуре близкое к манежу в Новоселицах и Медведе. Однако формы портика отличаются сухостью. Можно высказать предположение, что проект манежа был исполнен архитектором Л. А. Дюбю.

³⁷ Сохранились документальные сведения об участии Стасова в проектировании не только эскадрона и церкви, но и других зданий штабных городков, в частности, здания прачечной и мельницы в штабе Аракчеевского полка (копия чертежа, утвержд. 28 сент. 1829 г., подписанного В. П. Стасовым, дир. работ Ф. И. Рербергом и бергауптманом М. Е. Кларком — ЦГИАЛ, ф. 1424, оп. 2, д. 531, л. 1). Это здание в полуразрушенном виде существует на берегу Волхова в Селищенских казармах.

Там же, все трое подписывают чертеж чугунных решеток «для каменных парадных лестниц в домах женатых штабофицеров, женатых оберофицеров и

холостых оберофицеров в полковом штабе грендерского его величества короля Прусского полка» (ЦГИАЛ, ф. 1424, оп. 2, д. 522, л. 1).

³⁸ Стасов неоднократно вызывался на строительство военных городков для осмотра и указаний. Например, 2 июня 1823 года Аракчев ему пишет: «Признавая необходимым иметь с вами некоторое совещание о части строев в округе военного поселения грендерского графа Аракчеева полка, покорно прошу приехать туда 8 числа сего месяца к ночи» (ГПБСШ, отд. рукоп., бумаги В. П. Стасова, п. 2, письмо 8 из Грузина от 2 июля 1823 г.).

³⁹ В Новоселицах после пожара в манеже, происшедшего несколько лет назад, сделана перестройка без соблюдения исторической сохранности здания.

⁴⁰ Оба чертежа не подписаны, но архитектурное решение изображенных зданий имеет общие черты, которые позволяют приписать проекты В. П. Стасову, тем более, что на обороте чертежа с проектом павильона для Аракчеевского полка имеется карандашная полустертая, но легко читаемая надпись: «арх. 6 кл. Стасов». Чертежи следует датировать 1818 годом.

⁴¹ Авторство Стасова подтверждается документами дела о постройке здания и подлинным чертежом.

⁴² Чертежи см. ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, л. 3250 (фас., разрез), 3249 (план). Фиксационные чертежи, исполненные инж. Ф. И. Рербергом — в атласе зданий штаба короля Прусского полка. ЛИИЖТ, № 5423, лл. 60, 61, 72.

⁴³ Во время Великой Отечественной войны село Коростынь было почти полностью уничтожено.

⁴⁴ Чертеж решетки между колони был составлен М. Е. Кларком в 1827 г. (ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, д. 3302, л. 1), утвержден 5 янв. 1828 г., а изготовлена решетка на СПб. чугунолитейном казенном заводе (ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, д. 3301, л. 1).

⁴⁵ А. Подобедов в статье «Бронницкий могильник» (Сборник Новг. любителей древности, вып. 2, 1909 г., стр. 28—30) указывает, что по преданиям на этом кургане было языческое капище. Он же сообщает о перестройке церкви по повелению Екатерины II.

⁴⁶ Вся история перестройки церкви отражена в деле «О перестройке церкви на Бронницкой горе в округе грендерского наследного принца Прусского полка», на 80 листах (ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, св. 88, д. 4).

⁴⁷ Там же, л. 14.

⁴⁸ Там же, лл. 14, 15.

⁴⁹ Живой камень по Стасову — «всякий натуральный камень, а не сделанный, как то кирпич и тому подобные каменновидные части» (ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, св. 88, л. 4, л. 18).

⁵⁰ §§ 7 и 9 — пропущены в записке Стасова.

⁵¹ Стасов сообщил, что «по множеству работ в сие время практических, к составлению проекта иконостаса приступить не могу, а при том оной требуется токмо через два года по переделке церкви». (ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, св. 88, д. 4, л. 19).

⁵² Там же, л. 18.

⁵³ Там же, л. 19.

⁵⁴ Там же, л. 21.

⁵⁵ Там же, л. 22.

⁵⁶ Там же, лл. 22, 23.

⁵⁷ Чертежи не выявлены.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, св. 88, д. 4, лл. 42, 43. Пояснения Стасова к конструкции шпилья. Черновые части записки хранятся в ГПБСШ, отд. рукоп., — Ф. XIII-23, л. 157.

⁵⁹ В составе комитета: генерал-майоры Д. Я. Фабр, А. Волков, архитекторы В. П. Стасов и К. К. Мейснер. Заключение комитета — ЦГВИА, ф. 405, оп. 3/1012, св. 88, д. 4, лл. 57, 58.

⁶⁰ Там же, л. 58.

⁶¹ Там же, л. 59, чертеж — ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, д. 3344, л. 1.

⁶² Проект переделки иконостаса принадлежит не Стасову. См. ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, д. 3347, л. 1.

⁶³ ЦГВИА, ф. 3, оп. 9, д. 3344, л. 1.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 727, оп. 1, д. 409. Опись явится ценным документом при будущей реставрации храма.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 405, оп. 7/1016, св. 216, д. 56, ф. 3, оп. 9, д. 3762, л. 1. Проект по-видимому не был осуществлен.

⁶⁶ И. И. Кушнин по формальным соображениям стремится приписать дворец руке В. И. Баженова. См. краткое изложение доклада на научной конференции ЛИСИ — «Новые исследования по архитектуре Новгорода конца XVIII—начала XIX вв.» — Сборник — XIII научная конференция. Л. 1955, стр. 108.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1285, оп. 8, д. 258, лл. 1—7.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1285, оп. 8, д. 306 (1810—1821 гг.); чертежи — ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 1, д. 26.

⁶⁹ Имена архитекторов названы в документах начальника канцелярии новгородского губернатора. НОГА, ф. 138, оп. 1, д. 5145, лл. 1, 6.

⁷⁰ Очевидно, это было вызвано дислокационными или экономическими соображениями, за что говорит указание на чертежах, что их император видел. Это сделано, очевидно, для того, чтобы не было впечатления, что проект опорочен и потому отклонен.

⁷¹ Отчет по военным поселениям Старорусского отряда со времени поступления волостей из гражданского в военное ведомство, т. е. с 6 марта 1824 г. по 1 января 1826 г. В «Новг. сборнике», вып. III, ч. II, стр. 137—213, Новг. 1865 г.

⁷² В Старой Руссе многие здания, выстроенные в связи с военными поселениями, или разрушены (например, манеж, собор), или перестроены (казармы).

⁷³ Это подтверждается письмом нач. штаба военных поселений Клейнмихеля, который, направляя Стасову для переделки чертежи колокольни Воскресенского собора, просил «согласить его с наружностью Воскресенского собора, строящегося по фасаду вами составленному и высочайше утвержденному в 23 день июня 1827 года.» — ЦГВИА, ф. 405, оп. 7/1016, св. 219, д. 75, л. 2.

⁷⁴ К. Случевский. По северу России. Том. 1. СПб. 1886, стр. 383.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. 405, оп. 7/1016, св. 219, д. 75, л. 5. Собственноручная записка В. П. Стасова от 18 ноября 1830 г. Был ли осуществлен этот проект переделки колокольни — остается невыясненным.